

За последние два года та девушка из лачуги выросла примерно так же, как и я, превратившись в молодую женщину. Она стала выше, немного пополнила и в бедрах, и в груди. Ее лицо все еще казалось немного исхудалым, как будто она редко ела полноценную пищу. Ее длинные черные волосы были завязаны, что говорило о том, что у нее либо уже есть муж, либо она его не ищет. Сажа затеняла ее глаза, а под толстой одеждой я заметил, что она носит ожерелье, которое отец подарил Мудрой женщине.

Я раздвинул губы, вопрос вот-вот должен был сорваться с моего языка, но я проглотил его. Вопросы о том, почему она здесь, как она подошла так близко, не привлекая моего внимания, и так далее, могли подождать.

- Кто идет? - спросил я, вставая и хватая ведро, наполовину наполненное молоком, которое позже превратится в сыр. Девушка стояла в дверях и смотрела на меня выжидательным взглядом, выражение ее лица ничего не выдавало.

- Люди, которые планируют убить тебя и забрать все, что у тебя есть, - ответила она, отступая назад и исчезая из виду. Эти слова вонзились в мое сердце, как камень. Ведро выпало из моих пальцев, когда я бросился вслед за ней к дверному проему.

Выйдя на вечернее солнце, я не увидел девушку. Она словно растворилась в воздухе. Впрочем, это было неважно. Люди шли, чтобы убить нас.

У меня не было никаких реальных причин верить в то, что это правда. Может быть, это плохая шутка или что-то в этом роде, но я чувствовал, что это правда. Глубоко своим нутром я чувствовал это.

Я рванул в могучем спринте к дому, вдали от загона для животных, и, влетев внутрь, практически сорвал дверь с петель. Девушки внутри внезапно замолчали, глядя на меня расширенными глазами. Я встретил взгляд матери: - К нам идут люди. - сказал я ей и увидел краткий проблеск удивления, прежде чем выражение ее лица ожесточилось.

Она отбросила гребень для ткацкого станка:

- Аста, Хельга, Сольвейг, Зигфрид... Я хочу, чтобы вы спрятались, - сказала она с крепостью в голосе, не оставляющим места для споров, и ушла в свою комнату. Я последовал за ней и увидел, что она схватила топор и один из щитов моего отца. Она посмотрела на меня:

- Зигфрид.

- Я не буду прятаться, - сказал я ей, хватая топор. Он весил примерно столько же, сколько мой тренировочный, только этот был отточен до смертоносной остроты.

- Я могу сражаться. Тебе стоит пойти с остальными. На случай, если они справятся со мной, - сказал я, мои слова были серьезными. Мать открыла рот, чтобы возразить, но через мгновение закрыла его, а затем, увидев решимость в моих глазах, отрывисто кивнула.

- Пощады не будет, Зигфрид. Не раздумывай, - сказала она мне, направляясь в главную комнату, в то время как я направился обратно на улицу. Мать была воительницей до того, как встретила отца. До сих пор я никогда не видел эту ее часть. Девочкам в этом плане не так повезло, но благодаря нам с матерью они будут в безопасности. Я защищу их. Неважно, что мне придется сделать. Неважно, кого мне придется убить.

Любой, кто попытается тронуть мою семью, умрет.

Я убью их.

Не больше, не меньше.

Выйдя на улицу, я окинул взглядом лес вдалеке. Между мной и опушкой была тысяча шагов, а у меня всегда было отличное зрение. Благодаря этому я видел движение людей, прячущихся в деревьях. Люди думали, что их скрывает тень, но древко топора или обод щита, выглядывающий среди листвы, выдавал их. Они разведывали нас. Ждали, чтобы узнать, есть ли на ферме кто-то еще, прежде чем напасть.

Я схватил свою пращу и спокойно направился к своему тайнику с камнями. Это была коллекция, которая росла на протяжении многих лет, - каждый из них был гладким и идеально подходил по размеру для пращи. Я вставил камень в прорезь и начал вращать его.

Большинство людей предпочитали луки из-за их дальноточности. Приличный стрелок мог поразить цель на расстоянии сотен шагов. Я был лучше, чем приличный стрелок из лука, но вместо этого предпочитал пращу. Люди смотрели на нее свысока, называя неискусным оружием, но я обнаружил, что ничто не укладывает животных лучше, чем камень, запущенный в них на большой скорости. При ударе он дробил кости, калеча животное, даже если это не было мгновенным убийством. В конце концов, с раздробленными ребрами бегать было сложно.

Из-за ствола дерева выглянул человек и посмотрел прямо на меня. Наши глаза встретились на долю секунды, прежде чем я со всей силы метнул камень вперед. Маленький камешек вылетел в мгновение ока и врезался в него, как кулак. Через долю секунды он вонзился в глаз мужчины, ударив его с такой силой, что сбил шлем с его головы, и он упал на землю кучей.

Я только что убил человека.

Я не стал долго размышлять над этим откровением. У меня не было времени.

Я собирался убить еще.

Из леса донесся боевой клич, прежде чем фигуры из него начали двигаться вперед. Всего их было десять, я думаю. Если судить по беглому взгляду, в то время как я заряжал следующий камень в пращу, раскрутил ее, а затем запустил снаряд. Еще один человек упал, его голова откинулась назад, а лоб вмялся внутрь, раздавленный ударом.

- Поднять щиты! - услышал я голос, когда люди начали приближаться через наши поля. Я зарядил третий снаряд как раз в тот момент, когда они это сделали, и увидел перед собой множество раскрашенных щитов.

"Осталось девять" - подумал я, прежде чем метнуть в них еще один камень, нацеленный в открытое колено одного из мужчин. Он врезался в мою цель с силой, сокрушающей кости, и его нога поддалась под его весом, когда он испустил крик боли.

- Убейте это отродье! - услышал я крик того же человека, что и раньше, но не мог понять, кто из них кто.